

Хенос, который всегда с тобой: самопознание как способ познания Чужого

Научный руководитель – Тишков Валерий Александрович

Чантуридзе Отар Вахтангович

Студент (магистр)

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: merlin92100@mail.ru

Вопрос о познании Чужого является центральным для наук о человеке. Так, М. Бахтин указывая на то, что «гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках...» [1, 298], критерием точности выдвинул «преодоление чуждости чужого без превращения его чисто в своё (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т.п.)» [1, 392]. Здесь и будет предпринята попытка разобраться в вопросе, касающемся возможности познания Чужого одним конкретным путём - путём самопознания.

Но понятие «Чужого» не является центром, а всего лишь точкой одного из полюсов, привязанной к целой сетке оппозиционных и смежных понятий, каковыми являются: «свой-чужой», «мы-они», «ингруппа-аутгруппа», «гостеприимец-гость», «друг-враг», «иноверец», «аутсайдер», «незнакомец», «пришелец», «странник/путешественник» и др. Эти фигуры универсальны, их можно найти в любом языке, но наполняются они конкретным, культур-специфичным содержанием, которое динамично, подвижно.

Наиболее общим подведением в теоретическом плане можно считать отношение «Я-Другой», к которому остальные понятия относятся коннотивно. Специальной разработкой этого отношения занимались философы различных направлений: М. Бахтин, М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель, Э. Левинас и др.

В социальных науках дискурс Чужого был инициирован немецким классиком социологии Г. Зиммелем в своём эссе «Экскурс о чужаке», в дальнейшем он был подхвачен А. Шюцем и др., что в последствии вылилось в американскую социологию чужого. Следующий виток развития мысли о чужаке обернулся вспять и обнаруживается у германских социальных психологов Б. Шефера и Б. Шлёдера, предложивших свою модель восприятия чужого. Отдельное внимание вопросу Чужого посвящена *респонсивная феноменология* Б. Вальденфельса.

В своих истоках и антропология является наукой о Чужом, а дистанция между своим и чужим становится для неё центральной темой, ведь именно эта дистанция представляет собой одно из условий познания.

В.Г. Лысенко уточняет проблематику до *культурного чужого*, и развивает собственную аксиоматику, формулируя **принципы** (или в поздней редакции - **постулаты**) **ксенологии** [2, 3] - науки о Чужом:

1. Я осознаётся через не-Я, чужое Я. Проблема самопознания - это, прежде всего, проблема познания чужого.

2. «Я-образ» - это сложная многослойная конструкция идентичностей. Идентичность актуализируется при столкновении и конфликте с чужой идентичностью.

3. В образе чужого заложены черты Я. Чужое вплетено в конструкцию Я, а образ Я заложен в модель чужого. Модель чужого основана на исходном материале, на том, что уже имеется в образе Я.

(4.) Следовательно, образ чужого в той или иной культуре (равно как и для той или иной личности) может служить индикатором развития самой этой культуры (или лич-

ности). Иными словами, анализируя образ чужого, можно сделать вывод о самом себе: скажи мне, кто твой чужак, и я скажу тебе, кто ты.

Итак, познавая других, мы познаём самих себя. Но ведь справедливо и обратное суждение. Познание себя и познание другого есть сложный диалектически переплетающийся процесс, основанный на общих и взаимообуславливающих гносеологических предпосылках и механизмах: познавая себя, я лучше понимаю других; познавая других, я больше знакомлюсь с собой и т.д.

Что я здесь пытаюсь подвергнуть экзаменации, так это возможность изучения Чужого не только извне, но и изнутри. Эта идея может показаться абсурдной на первый взгляд, но именно она и является тем синтезом между ближним и дальним (и в то же время снятием дихотомии своё-чужое), который уничтожит дистанцию между мной и Чужим. Она представляет собой решение тех проблем, которые возникают, когда мы пытаемся *схватить* Чужое.

На это может быть минимум две, противоположные, точки зрения, выразителями коих являются Левинас и Бахтин. Первый считает, что Другой (читай: Чужой) - это тайна, не познаваемая мной через меня; а второй, что я могу познать его, имея одного лишь себя в качестве инструмента познания. Если для первого инобытие не интактно, то для второго - именно в инаковости способен возникнуть диалог. Оба они правы, но в непересекаемых смыслах. Я поясню...

В каком-то радикальном глубинном смысле Другой действительно непознаваем. Его мир для меня (как и мой мир для него) - это полностью скрытый, мистический мир. В него нельзя погрузиться, как поплавков не может погрузиться под воду. Но поплавков всё же касается поверхности воды. Точно так же и я *касаюсь поверхности Другого*. Если я не могу познать тайны, то я, во всяком случае, могу хотя бы прикоснуться к ней. Если другой и может быть познан, то только посредством известного, освоенного, своего.

Здесь я сближаюсь с позицией Бахтина. И действительно, его методология позволяет совершить тот прыжок, на который я сейчас претендую. Нельзя быть радикально чужим в каком-то особом смысле, можно быть таковым по отношению к чему-то или кому-то: мужчиной по отношению к женщине, ребёнком - ко взрослому, здоровым - к больному и т.д.

Познание не-Я уже заключается в акте отделения Я от не-Я. Определяя себя по отношению к не-Я, Я определяет не только своё отношение к не-Я, но также и то, чем не-Я является для Я. Ведь речь с этих пор ведётся не о каком-то обезличенном стукте нетождественном мне, но тождественном самому себе, речь о конкретном чужом.

По себе других не судят, как известно. Но вопрос стоит не так. Само ядро данной проблемы заключено в том, как изучить чужого, подвергая систематическому изучению себя. Вопрос в том, как по малому (себе) судить о великом (чужом)?

Мы всё чаще сталкиваемся (но не сходимся) с чужаком - будь он хоть гостем, прохожим или врагом. Это правда, что чужой в современном мире встречается всё чаще, однако, строго говоря, опыт Чужого пребывает с нами всегда. Чужак в каждом. Знакомство с чужаком подразумевает знакомство и с самим собой, впрочем, и наоборот, как я попытался это здесь продемонстрировать. Это и есть *Xenos, который всегда с тобой*.

Источники и литература

- 1) Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Рипол Классик, 1979.
- 2) Лысенко В. Г. Ориентализм и проблема чужого: ксенологический подход // Orientalism/Occidentalism: Languages of Cultures vs. Languages of Descriptions. – 2012. – С. 34-42

- 3) Лысенко В. Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // Вопросы философии. – 2009. – №. 11. – С. 61-77.